

Нина Николаевна Турицына (Нина Тур) родилась в Уфе. Окончила Уфимское училище искусств и филологический факультет Башкирского государственного университета. Работает преподавателем фортепиано в школе искусств. Пишет прозу, стихи, пьесы. Публиковалась в журналах «Юность», «Аврора», «Невский альманах», «Урал», «Сибирские огни», «Идель», «Волга», «Бельские просторы», «Эдита» (Германия). Автор четырех книг прозы. Председатель Башкирского отделения Союза российских писателей.

Нина Тур

РЕЙС ПОДЕШЕВЛЕ

Рассказ

1

Контролерша из «Водоканала» справилась по своему журнальчику, в каких еще квартирах этого подъезда установлены водомеры, и тяжело пошагала наверх.

На нужном этаже огляделась, позволила.

— Кто? — каркнул в ответ хриплый мужской голос.

— Проверка счетчика!

Дверь чуть приотворилась, оттуда высунулась лысая голова, оглядела всю площадку диким взглядом, но крепко сбитая толстуха профессиональным чутьем разгадала намерение хозяина и оказалась проворнее, успев поставить на порог ногу в тяжелом сапоге.

— Мне сейчас некогда, — хозяин сделал еще одну попытку.

— А мне есть когда по два раза к каждому шастать?!

И она решительно отодвинула его плечом.

«Сматывает показания?» — предположила про себя.

Сама видела одного такого умельца, который поставил водомер в обратную сторону, и чем больше тот лил воды, тем меньше были показания на приборе.

Планировка стандартная, и она безошибочно направилась к совмещенному санузелу.

Мужчина потерянно плелся сзади.

В ванне лежала в воде одетая в платье мертвая женщина.

Контролерша охнула и отступила обратно. Первой мыслью было — убежать, пока и ее не прихлопнули. Она бросилась к двери и выскочила на площадку. Он хотел было устремиться за ней и даже что-то забормотал ей в спину, но она не разобрала ни одного слова.

Она тут же вызвала полицию.

Конечно, его арестовали.

На допросе он сидел оглушенный и не сразу понимал вопросы. Назвал, однако, свое имя и возраст:

— Сергей Сергеевич Нечипоренко. Шестьдесят пять лет. Пенсионер. Не работаю.

Больше он ничего не сказал и заплакал. Ему дали стакан воды. Он взял, руки у него тряслись, и вода расплескивалась ему на колени. Выпить ее он так и не смог. Поставил стакан и, тяжело дыша, произнес:

— Что бы я вам ни сказал, вы все равно не поверите.

Он сидел, нагнувшись вперед, словно вглядываясь, словно силясь что-то припомнить.

Двое следователей переглянулись.

— Ну, вы будете давать показания или нет?

— Но о чем? Я сам только перед приходом контролерши пришел домой и увидел ее. Я сначала подумал, что она как-то не удержалась и упала в ванну...

— Сама упала в ванну? Но почему?

— Да, почему? — как эхо повторил он.

— А почему вы явились домой только перед контролершей? Где вы были до ее прихода? Она показала, что была у вас около десяти утра. Вы у нее — четвертый, она лишь три квартиры перед вашей успела посетить. Где вы были?

— А долго жена там пролежала? В ванне?

— Вы нас не пытайтесь запутать. Отвечайте на вопросы: где вы были, если только утром вернулись домой?

— Ну, я не ночевал... А был... А какое это имеет значение?

— Это ваше алиби.

— А... Ну, был в доме у дочери, задержавшись, там и остался.

— В каком таком доме? Адрес?

— Я дом так помню, без адреса.

— И вы звонили домой, предупредили, что не придете?

— Я? Не помню... Да! Звонил.

— А жена что?

— Сказала — ладно.

Он явно врал. Неумело и путано, глупо и нескладно.

На что он надеялся?

Позвонили его дочери. Пригласили прийти.

— Когда вы последний раз видели отца?

— А что с ним?

— Отвечайте на вопрос.

— Я имею право не отвечать, пока вы мне не скажете, что с моим отцом.

Она старалась говорить твердо, но голос ее звенел, как это бывает при волнении.

— Хорошо. Тогда другой вопрос. Вы по паспорту Юлия Романовна Нечипоренко. Как это понять? Ведь он — Сергей Сергеевич?

— А это еще при чем?

— Не осложняйте. Отвечайте на вопрос. Вы хуже делаете себе и ему.

— Да что с ним?.. Ну, хорошо. Я отвечаю. Никакого секрета тут нет. Я замужем за его сыном.

— А настоящий ваш отец?

— Он живет в Уфе, и я там родилась, но мы с ним не виделись уже... да, шестнадцать лет. Мне тогда было восемнадцать.

— И не переписывались?

— Нет. Мама сказала, что у него другая семья. Это все, что я знаю. Никогда никого из тех (она так и сказала — тех) я не видела.

— Почему же тогда он не сказал, что был у сына, раз его сын и есть ваш муж? Вы вместе живете?

— Конечно, а как же должны жить муж с женой? Но муж сейчас в отпуске, поехал в Карловы Вары на лечение. Вообще-то я могу не отвечать! Я знаю свои права! А вот вы должны мне сказать, в связи с чем ...

— Скажем! Ваша свекровь мертва. Предполагают убийство.

— Ах, вот что, — она откинулась на спинку стула, вздохнула облегченно. — Значит, ошибка! У меня нет свекрови. Она умерла три года назад.

— Какие три года назад, о чем вы говорите? Ее вчера нашли мертвой в собственной квартире по адресу...

И тогда эта непроницаемая женщина закричала, как кричат смертельно раненные — звери ли, люди ли.

— Аааааа! — кричала она. — Нет! Нет!

Ей подали стакан воды, как недавно ее отцу. Никто не ожидал, что она будет так убиваться по чужой женщине, которую, как правило, не любят невестки.

Она не могла успокоиться, и кто-то спросил:

— Вы ее так любили?

Она оглянулась на спросившего, но, казалось, не поняла вопрос. Потом взор ее стал более осмысленным, и она ответила:

— А вы разве не любите родную мать?

— Не понял...

— Зато я поняла! Это моя мама! Что с ней? Почему она умерла?

— Ее нашли в ванной, одетой, лежащей в воде. Мы предполагаем, что это насильственная смерть. Сейчас допрашивают ее мужа. То есть вашего свекра, если мы правильно поняли.

— Какой кошмар...

И она опять залилась слезами.

Жена никогда не позволяла себе прощаться с мужем на пороге. Какая бы погода и время суток ни были — она обязательно шла провожать Романа хотя бы до остановки маршруток, следовавших до аэропорта или железнодорожного вокзала.

Вот и сейчас она привычно повернулась спиной, чтобы он накинул ей на плечи пальто.

Затем взглянула на часы и поспешила:

— Присесть на дорожку уж не получится, да ты в эти приметы не больно веришь.

Он кивнул.

— Прилетишь — сразу не звони. Роуминг дорогой. Лучше купи местную сим-карту. И в первый попавший санаторий тоже не устраивайся, они теперь не такие загруженные, как раньше, место можно найти, тем более осенью. Вещей у тебя мало, один портфельчик, так что ты сначала пройдишь хотя бы по двум-трем, приценись, где лучше и не так дорого.

— Хорошо, — опять согласился он.

Они дошли до остановки. Она дождалась вместе с ним аэропортовского автобуса, торопливо поцеловала в щеку и потом еще смотрела вслед, махая рукой.

В аэропорту Романа ждала приятная неожиданность: от случайных попутчиков он узнал, что если лететь не прямым рейсом Уфа — Минеральные Воды, а через Москву, то получится в два раза дешевле: вместо восьми тысяч всего четыре! Вот чудеса нынешних авиалиний!

Он немедленно сдал свой билет, чуть потеряв на этом, зато много больше выиграв!

Купил на первый же рейс до Москвы и на следующий, Москва — Минеральные Воды, вылетающий в 23 часа. Несколько часов в Москве проездом — и на юг!

Жене звонить не стал. Потом потребует отчета о сэкономленных четырех тысячах.

Вышел из сверкающего стеклом здания аэровокзала Домодедово, прошедшего 10 лет назад процедуру обновления по европейским стандартам, и оказался на остановке маршрутки до центра.

Сел и поехал. Надо же как-то провести время до вечера.

Он не был в столице... о, долгих 16 лет.

Он возненавидел тогда Москву, как будто столица была виновата в том, что случилось с ним здесь.

А сейчас, проезжая по ее широким проспектам, вдыхая аромат роскоши, который присущ всем столицам Европы, в том числе и нашей, он с острой болью удара по самолюбию понял, чего лишился тогда, и где мог бы теперь быть. В столице другие возможности, другие горизонты, другая жизнь...

Интересно, а она не жалеет? Живет еще с тем своим стариком или и его бросила?

А может, его в живых уже нет? Сколько ему сейчас? Тогда было под 50, а нынче, значит, уже 65. Немало.

Заехать, что ли, посмотреть на свою квартиру, которую тогда ни оспаривать, ни отсуживать не стал? Совсем не до того было. Да и как отсуживать? Все — по месту жительства ответчика. Не накатаешься в Москву на суды!

Да и скупее, и жаднее мы становимся с годами, только не каждый находит смелость и честность это признать. И заодно признать скудость пороком.

Обычно не признают. Обозначают ее каким-нибудь эвфемизмом.

Нет, нет, убеждал себя, понятно, не от жадности я туда заеду, если вообще решусь заехать теперь, спустя 16 лет. Просто посмотреть. Как дочь? Как сама?

«Хорошо», — ответит ему, наверное. Она ведь никогда не жаловалась на проблемы. Она всегда с ними боролась, до победы!

«И у меня все хорошо, — похваляется он. — Жена хорошая, дочь растет, ей уже пятнадцать».

Удивится, подсчитав: «Как пятнадцать? Получается, только мы с тобой расстались — ты тут же утешился с другой?»

«А ты как думала? Что десять лет буду твою измену переживать, раны зализывать? Умолять: вернись? Это у вас, у баб-с, такое представление о жизни. А у нас, у мужчин, совсем наоборот: отрезано, так отрезано».

Вот так ей примерно все и сказать.

Дать понять, что не такая уж она незаменимая.

Что и он не такой уж никому не нужный.

Так, небрежно обронить: по пути, мол, на курорт заглянул, как вы тут.

А если муж будет дома?

Да существует ли еще этот муж?

И будет ли он конкретно в этот час дома?

А если и совпадут все условия, что и существует он, и дома сидит — ну и что такого, кто кому, чем обязан?

«Выпьем за знакомство, чего нам теперь делить?»

И еще мысленно с гордостью примерил: муж этот небось на пенсии давно, а про себя — так, мимоходом: «Работаю, мол, на хорошей должности. Ведущий инженер. А до пенсии мне еще ого-го — целых три года! Да и отпустят ли? Заменить-то меня некем!»

Так, убеждая самого себя и все более утверждаясь в своем решении, он смотрел на номера домов, выйдя на нужной остановке.

Пришлось несколько раз дорогу спрашивать, так все вокруг изменилось.

Дом свой, однако, узнал. Только балконы стали у всех застекленными, да двери в подъезде металлические, с кодовым замком.

А номер своей квартиры, оказывается, забыл! Пришлось подсчитывать: первый подъезд, на третьем этаже. Стало быть... выходило там, помнится, на площадку три двери. Значит, седьмая.

Окна во двор. Это он помнил.

Посмотрел на них, да что там разглядишь — только занавески.

Нажал номер квартиры.

«Ждите ответа», а потом — ее голос! Такой же молодой, звонкий. Он его сразу узнал.

Не спросила, кто, а сразу:

— Открываю.

Он поднимался по лестнице и с удивлением чувствовал нарастающее беспокойство. Что-то тревожно замирало, а потом быстро-быстро билось в груди. Неужели сердце? Чего бы ему так волноваться?

Когда он достиг ее этажа, оказалось, что дверь 7-й квартиры приоткрыта, но никто на площадку не выглядывал. Пришлось позвонить еще раз.

Послышались торопливые шаги, она выглянула, увидела его и спросила, самым обыденным голосом спросила:

— Ты один?

Не так он представлял встречу с бывшей женой через 16 лет!

Растерялся:

— Один..

— Ну, зайди.

Это прозвучало еще обиднее.

Он неловко протиснулся в дверь, продолжая держать портфель в руках.

— Я подумала — муж вернулся. Он свой мобильный забыл. Вот буквально пять минут, как ушел.

— А куда? — спросил, сам не зная, зачем. Какая ему разница?

— Поехал к дочери. Там должны завтра с утра опрессовку делать, и лучше бы это мужчине проконтролировать.

— Да, да, — опять бессмысленно одобрил он.

Он все еще топтался на пороге.

— Тебе переночевать негде? — предположила она.

На этой фразе к нему наконец вернулось самообладание.

— Я буквально на минуту. Проездом. Улетаю на курорт. Самолет в 23 часа.

Она засмеялась:

— Так это не на минуту! До двадцати трех время еще есть. Раздевайся.

Она раздвинула зеркальные двери встроенного шкафа и подала ему плечики.

— Поставь свой портфель, — указала на обитую шелком банкетку.

Он снял куртку, приладил ее на вешалку.

— Повесить можно сюда, — в шкафу висели невиданные наряды: переливающаяся, как перламутр, пелерина из плотного гладкого меха (норка — не норка, не разобрался он в мехах), белое пальто с вышивкой по широкому подолу (как в нем в транспорте ездить), — но сама не стала брать в руки его куртку, а свои вещи немного в сторону отодвинула, словно боясь запачкаться. Или ему так показалось?

Повесил в шкаф, пригладил волосы.

— Пройди, вымой руки, — указала направление, — а потом на кухню. Жду тебя.

В сверкающей, выложенной розовой плиткой ванной комнате он мыл руки, одновременно разглядывая себя в большое зеркало.

Он не ожидал, честно признаться, что она — такая, совсем не изменившаяся за эти годы, во всяком случае, на первый взгляд.

А он? Так гордившийся, что у него волосы и зубы почти все на месте, теперь, разглядывая себя в зеркало, находил, что проигрывает ей: кожа дрябловата, подбородок висит, уголки глаз смотрят вниз. А одет? Куртку-то его постаралась подалше от своих вещей повесить.

А сама, в каком красивом платье! Впрочем, только что мужа проводила, наверно, не успела еще переодеться.

Он невольно стал вспоминать: а ради него одевалась ли она так красиво?

Нет, тогда, в 1995-м, и вещей таких шикарных, какие висят теперь в шкафу, у нее не было, и с работы, как ему вспоминалось, она приходила уставшей и раздраженной, страстно мечтавшей переменить свою участь. А теперь от нее так и веет довольством и благоустроенностью.

На полке выстроились флаконы с французскими надписями, у него даже появился соблазн чем-то подушиться, только мысль эту он отверг, как нелепую, — запах-то ей наверняка знаком, сразу догадается, что пользовался чужими запасами.

Она выглянула из кухни:

— Заходи!

Даже не показала ему комнаты, не принесла семейные альбомы: хоть посмотреть, какой стала дочь.

Он сидел с оскорбленно-высокомерным видом, но сам попросить ее не посмел.

И еще больше ненавидел себя за это.

— Что больше любишь — мясо или рыбу? У меня есть судак, запеченный в аэрогриле.

«Что за аэрогриль?»

Но спрашивать не стал.

— А пить? Чай? Кофе? Тебе кофе можно?

— Почему нет? — с обидой ответил он. — Свари.

— А может, чего и покрепче?

Она поставила початую бутылку, бокалы и посмотрела на него.

Он расценил это как приглашение и разлил до половины объема.

— За встречу? — предложила она.

— За тебя!

И понял, что зря сказал. Выглядит все это подобострастно. Чего она такого хорошего для него сделала, чтобы пить за нее? Как раз все наоборот!

Он почувствовал, как в нем нарастает раздражение.

Она, казалось, ничего не заметила и засмеялась, довольная собой.

Смех у нее стал какой-то особенный, такой он слышал у актрис МХАТа в радиопостановках. Он тогда еще удивлялся — как они могут так моментально изображать невероятное веселье, веселье, доходящее до смеха, ведь на самом деле им вовсе не смешно, ведь это только по роли положено!

— Ах да, кофе, — сказала, словно вспомнив, с какой-то новой для него интонацией, с какой никогда не говорила прежде.

Таким тоном можно было бы сказать: «Ах, этот сон. /Малютка-жизнь, дыши!»

Или другие столь же изысканные и тонкие стихи...

Она легко встала и пошла — нет, не к плите.

У нее для этой цели оказался целый аппарат. «Saeco», прочитал он на его фронтальной панели.

— Тебе с молоком?

— Да, если можно.

Она налила в бокалы еще раз.

Положила на тарелку рыбу.

— Теперь — за тебя! — разрешила милостиво.

Или опять ему так показалось?

Они чокнулись.

— Это только мужу с женой чокаться нельзя, — улыбнулась. — А нам можно!

— Ну да, бывшим можно, — согласился он.

И опять было непонятно, весело ей или все-таки жаль?

Она смотрела на него медленным взглядом, словно хотела запомнить, и он подумал, что, наверное, жаль!

— Ну, расскажи, как ты? Что за курорт?

— Сам пока не знаю. — Засмеялся неловко. — На месте куплю путевку или курсовку.

— А, вот как, — протянула неопределенно.

— А у тебя?

— Я на пенсии. Уже год.

— Не скучно? Чем занимаешься?

Об ответе можно было б догадаться: собой!

Но она ответила:

— У меня ведь уже внуки! Старшему — четырнадцать, а маленькому — четыре .

— У тебя? — удивился он такому единоличному подходу.

Она не сразу поняла, о чем он, и это было больше, чем обидно — это было дико!

— Боже мой, у меня, оказывается, уже двое внуков, а я только сейчас узнаю об этом! А другая... бабушка? Они встречаются с ней, или ты всем дорогу перекрыла?

— Ты имеешь в виду супругу Сергея Сергеевича? Она, к сожалению, умерла три года назад.

— Такая старая?

— Как сказать... Она была старше его на год. Нет, не старая, конечно. 63 года. Так что маленький про нее вообще ничего не знает, зачем ребенку детство осложнять? Ты согласен?

Вот, значит, как... Значит, и он бы своим появлением только осложнил своим внукам детство!

Тогда, действительно, лучше б его не было, чтобы внуки думали, что дедушка с бабушкой прожили всю жизнь вместе. Конечно, в воспитательных целях это разумнее и даже полезнее. Надо ж им будет в жизни брать с кого-то пример! А он всю благостную легенду испортит! Понятно, что его никогда до них не допустят.

— Значит, — сурово подвел он итог, — ты не хочешь портить внукам картину нашим разводом?

— Ты не понял. Вернее, ты не знаешь... Дочь почти сразу вышла замуж за сына Сергея Сергеевича, так что этот факт было не скрыть, даже если б я и захотела.

— Вот оно что...

Он сидел ошеломленный. Вспомнил единственное письмо дочери, в котором с юношеской безжалостностью она писала отцу:

«Папа, я уже в МГУ! Сам понимаешь, такой вуз не бросают ради перевода в провинциальный университет».

Да, так и написала. И это было последнее, написанное ее рукой. Он ответил тогда, но ничего больше от нее не получал.

Значит, новая семья оказалась дороже. Во всех смыслах.

Но теперь она — взрослая женщина, 34 года, мать двоих детей.

В таком случае, наверно, уже можно? Хоть не с внуками, хоть с ней поговорить?

Словно в ответ на его мысли раздался телефонный звонок.

Звонили на городской телефон.

Она взяла трубку.

— Да! Ты его дома забыл! Не переживай, вот он передо мной лежит! Как доехал? Все нормально? Всем привет!

Она чуть скосила взгляд и быстро положила трубку. Потом все же догадалась объяснить ему:

— Там все так заняты... Завтра должны прийти из ЖЭКа на опрессовку. Да, я тебе уже говорила. Якобы чуть не в восемь тридцать утра! Приходится кое-что приготовить к их приходу.

Он понял. Даже телефонный разговор с дочерью не должен был омрачать ее девичьи, простите, теперь уже дамские мысли. А заодно тревожить внуков и супруга. Да и как бы она восприняла этот визит? Да еще в их отсутствие?

Не подумала бы о некоем сговоре?

— Почему его заставили ехать контролировать эту опрессовку? В его-то годы! Он, стало быть, там и ночевать останется?

— А дочкин муж улетел в Карловы Вары.

А он чуть не похвастался курортами Ставропольского края! С покупкой курсовки на месте!

Но она проявила заинтересованность и даже подобие заботы:

— А ты тоже на курорт? Лечиться? Что-то серьезное?

Она смотрела участливо, чуть наклонив светлую головку с модной, очень не молодой стрижкой.

И был уже третий бокал вина, и немного кружилась голова, так приятно кружилась...

И он поддался. Ему почему-то захотелось все ей рассказать. Она словно стала теперь вроде старого друга, близкого человека, с которым просто — так сложилось — давно не виделись.

Если б она сейчас сказала, что этот ее брак был ошибкой, он бы даже почувствовал ей.

Нет, исправлять бы, пожалуй, не предложил.

— Давление иногда... А так, — похвалился, — у меня все хорошо. Работая. Ведущий инженер. Оклад 30 тысяч!

— Сколько?

— Тридцать, — четко повторил он.

— И тебе хватает?

— Не понял?

— Да, прости. В Москве просто другие цены. У нас в соседнем кафе официантка получает сорок тысяч.

— А ты откуда знаешь?

— Ходила по нашему дому, просилась к кому-нибудь на квартиру. Тут ей удобно, рядом с работой.

— И сколько вам предлагала?

— Мне лично не нужно. А соседи говорили, что пятнадцать за отдельную комнату в квартире с хозяевами.

— Да, — согласился он, — цены у вас другие.

— Значит, тебе хватает? Или ты не один?

— Есть жена и дочь. Ей уже пятнадцать, скоро школу окончит.

— Пятнадцать?

Как и предполагал, удивил он ее! И почувствовал, что с этой фразы он может взять верх!

Расстались 16 лет назад, а дочери — 15!

— Так ты...

— Да, знаешь, в поезде обратно ехал... Ну, тогда...

— Я поняла, — отозвалась она и наклонилась над своей тарелкой.

У него еще больше окреп голос:

— И в одном купе оказался с девушкой... Познакомились. Ну, вид, наверно, у меня был не очень веселый, как ты сама понимаешь: приехать в Москву и узнать, что жена всего за месяц, пока я в Уфе с работы увольнялся, успела найти себе хахалю и привести его в нашу, с таким трудом обмененную на Москву, квартиру!

— И ты ей пожаловался на меня?

— Я не пожаловался. Просто разговорились, как это бывает в поезде. Обменялись телефонами. Так, ни к чему не обязывающее знакомство.

— Телефонами? — удивилась она.

Он понял — какой же телефон он мог дать, если квартиры уже не было?

— Пришлось первое время у сестры пожить. Собственно, я-то телефон и не давал. Только ее записал. На всякий случай. А потом, когда позвонил, сестра разрешила дать свой.

Он чувствовал, что опять теряет победный тон. Что опять словно оправдывается перед бывшей женой, променявшей его на другого!

«Нет, я не давал, нет, я не хотел. Это сестра...»

Кто виноват? Разве он? Почему же он оправдывается?

Он снова почувствовал накапывающееся недовольство собой и ею и не упустил похвастать:

— Она оказалась незамужней, моложе меня на десять лет!

— На десять лет? — подняла взгляд от тарелки. — Так ей тогда — быстро сосчитала — был уже тридцать один год? Старая дева, что ли? Или разведенка?

Она сидела перед ним, чуть покачивая узкой ножкой в изящной атласной туфельке, но не допуская никакой развязности или желания прельстить. Зачем стараться? Она и так была уверена в себе. Она была как бы заботлива, как бы проста в разговоре, как бы вежлива, приветлива и обходительна.

А он за весь вечер так и не смог овладеть ситуацией! Оправдывался, как дурак, с первой фразы!

С иезуитской вежливостью она унизила его по всем пунктам. Хорошо, что не спросила, в какой квартире живет, а то бы выудила признание, что в жениной.

В мгновение сложилось: ах, она была такая романтичная, влюбленная, готовая все порвать и бросить ради своей новой неземной любви, а он, значит, такой прагматичный, польстился на перзрелую девственность и на чужую квартиру!

В ее равновесии было что-то такое, что покачнуло его весы, но лететь вниз он не желал и обрел, наконец, нужный тон.

— Разведенкой стала ты, а она была девушкой! — он поднялся со стула и медленно подошел к ней.

Он заметил страх, мелькнувший на мгновение в ее глазах, и это придало ему уверенности:

— Не смей ее оскорблять!

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривобокой: не улыбка, а ухмылка.

И тогда со всей силы он дал ей пощечину. Первую в своей жизни.

Он услышал какой-то глухой звук, словно от деревяшки. Головка ее, только что мило повернутая одной стороной к нему, а другой к стене — она сидела вполоборота — как-то странно покосилась и свесилась вниз. Ему стало страшно.

— Неужели потеряла сознание? — мелькнула первая мысль. — Где искать нашатырь?

Он беспомощно оглянулся по сторонам. Во всю длину стен нависали шкафы кухонного гарнитура, невозможно было представить, сколько нужно времени, чтобы обшарить их все.

— А, вот!.. — вспомнил он вдруг, как на работе одна сотрудница потеряла сознание, и ей брызгали в лицо водой.

Он взял ее на руки и зачем-то понес в ванную. Он и сам был в почти бессознательном состоянии. Она оказалась неожиданно тяжелой, и он,

пятаясь, поднес ее к ванне, наклонил, потянулся включить воду, а она выскользнула у него из рук и чуть не упала. Успел подхватить ее и с ужасом заметил, что она не дышит. Он все-таки сумел открыть кран, брызгал на нее водой, потом дул ей в лицо, вспомнив что-то об искусственном дыхании.

Все было тщетно. Это был не обморок. Это была смерть.

3

Подло устроен современный человек. Ни о гневе божьем он не думает, ни о том, что совершил самый тяжкий грех, ни о раскаянии.

Нет!

Современный человек скорее вспомнит юридические нормы, подумает, сколько ему за это могут дать и как избежать отсидки.

Да простит меня читатель за отступление, но нашумевшее в свое время убийство Калоевым швейцарского авиадиспетчера, допустившего в 2002 катастрофу при посадке авиалайнера, — яркий пример вышесказанного.

Осетин Виталий Калоев, не добившийся на европейском суде осуждения убийцы пассажиров, в числе которых были его жена и дети, пришел в дом к этому человеку и потребовал от него хотя бы покаяния, но тот, просвещенный житель Европы, знал, что, извиняясь, он тем самым признает свою вину. А вину признавать нельзя: коль ты сам ее признал — стало быть, виновен!

Раскаяние строго запрещено.

Калоев теперь, после отбытия срока в швейцарской тюрьме, — национальный герой у себя в Осетии.

Национальный — но не мировой.

Для Европы он — дикарь, живущий по родовым законам, а не юридическим нормам.

В России голоса разделились.

А Роман, пометавшись то в поисках нашатыря, то сбрызгивая водой, то пытаясь делать искусственное дыхание, понял одно — надо бежать, пока никто не видел.

Но тут он вспомнил про улики, вернулся на кухню, собрал посуду, сунул ее в раковину и включил горячую воду. А рюмки отдельно вымыл и, держа их какой-то тряпкой, подвернувшейся под руку, поставил в шкафчик рядом с другими.

Потом быстро оделся, схватил свой портфель, выглянул в глазок и, убедившись, что на площадке никого нет, вышел, просто прикрыв за собой дверь по возможности плотнее, тихо спустился по лестнице, а на улице принял озабоченный вид и шел, нарочито замедляя шаги, хотя желание было — бежать, бежать, бежать.

Тогда он заставил себя остановиться, огляделся, а затем, заметя впереди группу стоящих людей, подумал, что, должно быть, там находится остановка. Он сел в первый попавший автобус, проехал две остановки, вышел и стал ловить такси. До аэропорта запросили полторы тысячи, он уже хотел согласиться, но потом подумал, что таксист его запомнит и будет давать в полиции показания против него.

Он посмотрел на часы под неработающим счетчиком и сообразил, что успевает и без такси. Хотел сверить со своими часами, но с ужасом заме-

тил, что рука у него предательски трясется. Роман быстро спрятал ее в карман, достал деньги и попросил подбросить до ближайшей остановки аэропортовской маршрутки.

Таксист не удивился: редко кто берет такси до самолета.

Москву он покидал строго по расписанию и прибыл на юг тоже по расписанию.

Затем такси из аэропорта — и в Железноводск!

Курортный сезон, в том числе и бархатный, кончился, и проблем с путевкой и устройством не возникло.

Был даже выбор. Он взял одноместный номер, зачем-то объяснив регистраторше, что храпит по ночам. Это он соврал, решив про себя: для конспирации. Регистраторша не удивилась: все хотят одноместные.

В первую же ночь к нему пришел сон про нее, про убитую.

Он как будто заходил в ее квартиру, темную, огромную, страшную, и видел ее лежащей на постели. Она была накрыта кучей одеял и говорила ему, что мерзнет.

Он проснулся. В оставленную открытой фрамугу сквозил прохладный ночной воздух. Он включил маленький прикроватный свет и взглянул на часы. Было только 2 часа ночи. Повернул регулятор на раме, закрыл ее и снова лег. Понятно, что до утра уже не уснуть. Он боялся сна и новых сновидений. Тогда он решил, что надо думать о чем-нибудь хорошем.

И стал вспоминать, как познакомился со своей Аллочкой.

Но все равно приходилось вспоминать предысторию: как приехал в Москву, как ему предъявили — правда, заочно — наличие нового мужа в их новой московской квартире.

И это в то время, когда он уже уволился в Уфе!

Когда они уже обменяли квартиру!

Куда ему теперь?

Ну, работу найдет, еще не старый, чуть за сорок, самый расцвет сил.

А как быть с квартирой? Судиться с женой и дочерью?

Он сел в поезд оглушенный, потерянный.

Не сразу разглядел попутчиков, да и не хотел никого видеть.

Отвернулся к стенке и лежал, а слезы душили, и была забота, чтобы их никто не заметил.

Ночью в Рязани кто-то вышел.

Утром в купе были только он и какая-то девушка.

Она вышла, чтобы не мешать ему одеваться, как он сначала подумал.

Он оделся, сел, а она все не возвращалась. Пришла проводница с чаем, и тогда он увидел эту девушку, стоящую возле окна в проходе. Проводница спросила и ее про чай. Она кивнула, но в купе заходить не стала. Тогда он вышел сам и прошел в конец вагона умыться. А ей даже не кивнул. Не до того было.

Чай, однако, пришлось пить вместе. Он ничем ее не угощал, да и предложить было нечего. А она подвинула на середину столика свои припасы и улыбнулась тихой улыбкой.

— Вы москвич? — уважительно спросила его. — Они, по-моему, никогда с собой продукты не берут.

— Москвич, — горько усмехнулся он, — только оказался в Москве не нужен.

Она смотрела на него, ожидая продолжения, но не смея попросить, и ему вдруг захотелось все ей выложить, как на духу. Не посоветует, так хоть выслушает.

А кому еще рассказать?

Она слушала, не перебивая, не задав ни единого вопроса, и не этим ли умением слушать покорила? Нет, вначале просто удивила.

Она слушала и словно впитывала его боль. Ему становилось легче, а она, наоборот, делалась все задумчивее и грустнее.

Она не сказала ему ни про время, которое якобы лечит, никаких других банальностей.

Она смотрела, слушала и только кивала иногда, то ли задумчиво, то ли сочувствующе.

В Самаре он купил на перроне два мороженных и принес в вагон. Она бережно сняла закрывающую пломбир бумажку и застенчиво откусила кусочек.

Он вспомнил, что даже не поинтересовался, как ее зовут.

— Алла.

— А меня — Роман.

— Это значит — человек из Рима. Римлянин.

— А Ваше что значит?

— Просто — другая.

— Другая, — повторил он.

Оказалось, что едут-то они в один город! Адрес ее, правда, спрашивать не стал, а телефон взял, «на всякий случай».

Взял, да и забыл про него.

Нужно было снова куда-то устраиваться. Сестра с мужем приняли, но временно.

Позвонил в «Нефтеавтоматику». Там что-то обещали. Он записал: «АСУ ТП и локальные системы автоматизации для предприятий нефтегазовой отрасли; АСУП в нефтегазовой отрасли и смежных областях».

И тут увидел ее телефон, тоже на «А».

Сестра заглянула через плечо, поинтересовалась:

— Новая знакомая?

— Да какая знакомая! Вместе в поезде ехали.

— И что ж ты не позвонишь?

— А оно ей надо? — по-одесски (хотя так нынче вся страна говорит) отпарировал он.

— Значит, надо, раз телефон тебе свой оставила. Ты просто обязан позвонить, хотя бы из вежливости.

— Ты так думаешь? — засомневался он.

— Уверена! Звони сейчас же! Я выйду.

К счастью, она оказалась дома и даже сама сняла трубку, так что ему не пришлось объясняться с чужими людьми.

А главное, она моментально узнала его, искренне обрадовалась, эти ее чувства как-то передались ему и оживили разговор.

Он не знал, о чем еще говорить, и сестра, заглянувшая в комнату как нельзя кстати, уже, догадавшись, жестикулировала ему: кино... кино! — руками изображая большой экран.

И он пригласил Аллу в кино.

Что они смотрели тогда, уже и забылось за давностью лет.

А что запомнилось и вновь, как в поезде, удивило? Многое, только это открылось не сразу.

Через какое-то время она пригласила к себе. Но он отказался, узнав, что живет она с родителями и наверняка этот его визит будет воспринят как приход жениха.

К смотрянам он готов не был.

Опять походы в кино, по улицам, на которых уже начинала хозяйничать зима, и хотя это было мило и романтично, но довольно холодно.

Сестра позвонила ей сама и пригласила на встречу.

Женщиной она была решительной, да и ожидание для нее слишком затянулось. Брат занимал отдельную комнату и перспектив на собственное жильё пока не имел.

Итоги встречи были столь непредвиденны, как мечты не успевают порой за действительностью!

Сестра была доброй и встречу организовала так, чтобы мужчины появились позже. А пока она хотела собственными глазами взглянуть и понять, что может выйти из этих рандеву. Секреты и тайны ей, как правило, отдавали добровольно: она никогда не смотрела оценивающим взглядом, зная, как это обижает. Она делала это незаметно. Но выводы ее обычно бывали верными.

Ей показалось, что она легко разобралась в Алле. Девушка средняя, звезд с неба не хватает, но нам звезды и не нужны! Главное, чтобы умела заботиться — да просто хорошо стирать! Кажется, они могли бы подружиться!

В общем, дело повернулось так, что и Алла в ответ должна была пригласить сестру в гости как новую подругу.

Подошедшие позже мужчины посидели с ними за компанию, поиграли в petit jeu, а потом все веселой гурьбой вышли проводить Аллу до остановки.

Через день сестра не поленилась позвонить сама, уточнить время визита.

Договорились. Встретились. Но кто кого удивил — так это Алла сестру!

Та, честно сказать, не ожидала, что еще бывает такое.

Она просто попросила Аллу показать свои фотографии. Они сидели в ее уютной комнате, Алла вытащила из книжного шкафа свой личный альбом.

Бедная Алла! Она не приготовилась заранее к просмотру, и из альбома стали вылетать непонятные сувениры, если их можно было так называть: этикетка от мороженого, один билетик в кино, за ним второй, третий, даже талон на проезд в троллейбусе оказался в числе драгоценностей. Это было похоже на детскую игру, когда в таинственные ямки закатывались фантики от конфет, пузырьки от одеколона в виде фигурок и всякие побрякушки.

Но нашей героине было уже не 5 лет!

— Какой ты еще ребенок, — засмеялась сестра.

Но Алла страшно смутилась, собрала все в кучу, однако выбрасывать не стала, а беспомощно оглядывала комнату, словно примериваясь, куда бы их перепрятать. Это даже как-то насторожило новую подругу, и не сразу она сообразила, что все это значит.

— Только ему не говори, — тоном заговорщицы попросила Алла.

— О чем?

— Ты не будешь смеяться? — голос был таким взволнованным, что пришлось клясться, что нет.

— Мы ходили с ним в кино, так это билеты остались... на память...

— Да, понятно... — настала очередь подруги лепетать. — А этикетка от мороженого?

— Это первое, что он мне купил, когда еще на поезде вместе ехали...

— Неужели ты его так любишь? — воскликнула сестра.

— Только ему не говори!

— Что же, так и будете в молчанку играть? Глупые, хоть и взрослые уже оба!

Конечно, обо всем виденном было в тот же вечер доложено Роману и взято с него честное слово, что он немедленно сделает Алле предложение!

И он сделал! И ни разу за все годы не пожалел об этом.

А теперь все полетит к чертям?

И он придумал, как отвести подозрения, которые ему мерещились на каждом шагу!

Он принимал с утра процедуры, обедал, а потом надевал куртку, раскладывал — в правый карман, подальше, паспорт, а в левый — все свои деньги, которые обменял в сбербанке на самые крупные купюры. Он повторял про себя «Предупрежден — значит, вооружен» с такой гордостью, как будто сам выдумал эту мудрость.

Он делал вид, что гуляет, но так, чтобы постоянно держать в поле зрения главный корпус санатория. Он решил, что как только подъедет полиция, наверняка — сначала к главному корпусу, он тут же уедет на такси или попутке, а чтобы и дальше передвижение было без фамилии — на электричке.

Но дни катились за днями, а никто за ним не приходил.

Зато его лечащий врач сказала ему на очередном приеме:

— У нас сейчас психотерапевт набирает новую группу, могу туда записаться, если вы желаете.

Он смуглился так, как если бы его поймали на краже.

— Я? — задал он бессмысленный вопрос, будто в кабинете были еще другие пациенты.

— Ну да, вы. Хотите? Специальная музыка для релаксации, индивидуальный подход. Вообще у нас тут очень сильный специалист, к нему многие желают попасть.

Но его так напугали слова «индивидуальный подход», что он отказался. Начнет копать в его подсознании — и до всего докопается!

Врач немного обиделась, но не огорчилась. Желаящие и без него найдутся!

— Просто я видела, как вы маетесь в одиночестве, ходите туда-сюда мимо корпуса, хотела предложить более полезное для душевного здоровья занятие. Впрочем, как хотите.

Он неловко поблагодарил и вышел.

Вот оно что! Оказывается, его конспиративные прогулки слишком заметны! Надо изменить тактику.

Теперь после обеда он приходил в свой номер и ложился в постель, надеясь на послеобеденный сон.

Сон не приходил, а разные мысли одолевали.

Ему стало мниться, что она была вовсе не мертва, а просто в обмороке. Если б он ее не бросил, а вызвал «скорую», она была бы сейчас жива.

Ночи были еще страшнее. Свет он уже не выключал, но чтоб было не так заметно с улицы, оставлял его в ванной комнате и неплотно прикрывал дверь. Узкая полоска света давала некоторое подобие защищенности.

После нескольких бессонных ночей его одолел дневной сон, и так он перешел на новое расписание — бодрствовать по ночам и смотреть ночные кошмары после обеда.

Возвращался он из своего курортного уединения домой в Уфу с тяжелым чувством, что его ждут на квартире, что там уже прошел обыск и выписан ордер на арест.

Но ничего такого не было.

Жена не похвалила его внешний вид и посетовала, что ехать отдыхать надо все-таки как нормальные люди — летом, а не мокнуть под осенними дождями.

— Да не было дождей, — попытался оправдаться, как будто именно он заведовал небесной канцелярией. — Так, тучки...

— Значит, лечат плохо. Вид у тебя еще более уставший, чем был до поездки.

— Спал плохо, — признался.

— Наверно, разница в часовых поясах

На этом объяснении и остановились.

Алла! Другая! Совсем другая, не такая, как первая!

Простая, добрая, в которой можно быть уверенным. Не потому, что она хуже, что никто не позарится на нее. Нет! Просто — надежная, как сестра, как покойница мама.

Он не знал — ведь жена никогда ему этого не говорила, боясь признаться, что любит и будет любить его всегда, потому что он спас ее от тоски нелюбимого существа.

Есть два типа женщин.

Женщины-гетеры и женщины-матери.

Женщины-гетеры остались в истории.

Жены и матери — только в памяти своих близких. Не политиков, не великих деятелей и государственных мужей. Близкими были — только мужа и дети.

А потом пришло новое в его отношении к той, бывшей.

Он пытался представить, что случилось в ее жизни за те полтора месяца, когда он заканчивал дела в Уфе.

Какая волна их тогда накрыла? Неужели в жизни бывает такое? Он пытался найти хоть что-то похожее в своей, но, кроме маленького эпизода из юности, который обычно называют первой любовью, ничего припомнить не смог. И тогда он позавидовал ей, как ни дико это звучит в отношении погибшей. Ведь завидовать — это не обязательно испытывать недружелюбные чувства. Завидовать — это желать иметь такое же, как у того, кому завидуешь. Он — не имел. И понятно, никогда уже иметь не будет.

Он еще долго вздрагивал, когда мимо проезжала полицейская машина, когда раздавался неожиданный стук в дверь...

Сергея Сергеевича, продержав какое-то время в СИЗО, отпустили за недостаточностью улик...

